

18+ ИСКУШЕНИЕ

или
зачем человеку
адреналин

Ольга Саварец

Ольга Саварец

Искушение, или Зачем человеку адреналин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72617890

ISBN 9785006812475

Аннотация

Дорогой читатель, ты держишь в руках книгу, которая не обещает лёгких ответов, но предлагает смелые вопросы. Что такое искушение? Почему оно притягивает нас, как огонь мотылька? Зачем человеку адреналин, тот невидимый ток, без которого мы так быстро засыпаем в собственных жизнях? В этих страницах ты найдёшь юмор, чтобы улыбнуться, философские размышления, чтобы задуматься, истории о любви, и немного поэзии, чтобы замедлить шаг. Всё это – разные грани одной темы: искушения. Твой Автор. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ольга саварец	5
Борис Камянов	9
С УЛЫБКОЙ	10
важный день	18
голос	22
один поэт	25
звуки леса	31
жорик	34
а если это любовь	37
балу	40
ВИРАЖИ ЛЮБВИ	45
балерина	53
мы возвращались из вены	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Искушение, или Зачем человеку адреналин

Ольга Саварец

Редактор Людмила Мучник

© Ольга Саварец, 2025

ISBN 978-5-0068-1247-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я очень люблю яблоки. Это у меня зов предков?

Нина, 3 класс

ольга саварец
ИСКУШЕНИЕ

или Зачем человеку адреналин

Temptation

О.Саварец, 2011

ИСКУСИТЕЛЬНИЦА

Когда я впервые прочитал подборку коротких рассказов Ольги Саварец, присланных два года назад в редакцию альманаха «Огни столицы», мне ничего не было известно об авторе, и я попытался себе ее представить. Судя по прозе Ольги, жизнерадостной и роман- тичной, она выглядела в моем воображении так: не старше тридцати, полненькая невысокая хохотушка, еще не побывавшая под венцом. В действительности же Оля оказалась совсем другой: уверенной в себе высокой стройной красавицей в зрелом возрасте, с многолетним опытом семейной жизни и двумя взрослыми детьми...

В прозу Ольги я влюбился сразу же и по уши. Внешность автора подборки и впрямь оказалась обманчивой: под личиной строгой дамы скрывалась та самая девчонка, которую я себе представлял, – веселая, немного легкомысленная и проказливая. Оказалось, что ее отношение к жизни во многом

сродни моему: к примеру, в малосимпатичных ей людях она сразу подмечает черты, раздражающие и меня: глупость, спесивость, амбициозность. При этом Ольга изображает этих своих героев вполне добродушно, никогда не переходя от мягкого юмора, тонкой иронии к сарказму.

Далеко не все персонажи рассказов Ольги Саварец соответствуют ее представлению о хороших людях, зато на высоте оказываются изображаемые ею животные – собаки, кошки и другие наши «меньшие братья». Любовь к ним – еще одна ниточка, связавшая меня с Олей.

Первая книга писательницы, прозу которой я полюбил, выходит в свет только сейчас, да и, насколько мне известно, публикаций в разных изданиях у нее было негусто. Однако перед вами, читатель, зрелый, сложившийся мастер, работающий в достаточно редком и сложном жанре прозаической миниатюры, хотя и не ограничивающийся им. Великолепно удаются ей диалоги: живые, неожиданные, но всегда точные и убедительные. Еще одно важное ее достоинство – наблюдательность, острое писательское зрение, подмечающее характерные мелочи, окружающие нас.

Прочитав название этой книги Ольги Саварец, я подумал, что оно, как ни странно, относится ко мне самому, хотя ничем запретным она меня как читателя не соблазняла, а зачем мне адреналин, я догадываюсь. Просто я, во всеоружии своего многолетнего читательского опыта, не смог преодолеть искушение, влюбившись на склоне лет в ее молодую,

веселую и талантливую прозу.

Борис Камянов

С УЛЫБКОЙ

алиса хочет замуж

Алиса хочет замуж. Вот хочет и все. К тому же возраст уже сильно подпирает. Рыночная стоимость женщины, как известно, с годами неуклонно падает. А бурная молодость Алисы уже плавно перетекла в судорожную зрелость. К то-

му же, что тоже известно, лучшим украшением женщины является наличие мужчины рядом. Возле Алисы этот антураж отсутствовал уже давно. И Алиса страстно захотела замуж. Именно теперь, когда молодость вильнула легкомысленным хвостом и зеркало стало отражать красивую сорочкалетнюю Алису, у которой вместо семьи – большой кукиш.

Но оказалось, что Алиса замуж хочет, а вот подходящие мужчины жениться не торопятся. Даже если они и уверяли ее, что у них, вот прямо немедленно, исключительно серьезные намерения и они готовы это доказать, если Алиса позволит им остаться на ночь.

И решила Алиса расширить зону поиска и поискать себе мужа в Интернете, на сайте знакомств. Тем более что пример был перед глазами: закадычная подруга только что вышла замуж за жениха из компьютера.

И вступила Алиса на зыбкий виртуальный путь.

Первый предполагаемый жених оказался нахрапистым, скучным и вообще женатым. Но это потом выяснилось. После горячей ночи любви. Правда, сначала они в ресторан пошли, куда он ее пригласил для более красивого дальнейшего знакомства. Но, как оказалось, зря. Потому что после шести вечера есть нельзя. Это он сказал Алисе сразу же, как только она взяла в руки меню. А было уже шесть пятнадцать. В результате они заказали: она чай, он воду. Официант поднял бровь. Алиса почувствовала себя виноватой.

Потом они гуляли вокруг мусорного бака какого-то стро-

ящегося дома и упоительно целовались. Было вкусно. Наверное, от голода и жажды. До конца насытиться не удавалось. Вообще-то, Алиса не собиралась вести малознакомого жениха в первый же вечер к себе домой, но тут уж пришлось. Очень хотелось. Известно – охота пуще неволи.

Утром ночной гость признался, что женат и вот только сейчас об этом вспомнил. И исчез в дверном проеме, «как сон, как утренний туман».

А ведь Алиса к нему уже привязалась. Ей ночью показалась, что у них сердца бились в унисон.

Потом появился «Ах, Какой»! Он врачом оказался. И вообще, тем самым. Ну, которые – «самые-самые». А тут у Алисы как раз и болезнь образовалась: она ногу подвернула. Было больно, но не страшно – есть кому ножку лечить, гладить и целовать. Она прямо светилась от предвкушения.

Так все и было... бы. Если бы замечательный доктор срочно не сделался ужасно занятым. Ну, вот настолько, что «даже пописать некогда».

А Алиса на него еще целую неделю надеялась. Ждала, когда он освободится, пописает и полечит. Голодная, между прочим. В холодильнике все продукты кончились, а ковылять на больной ноге... Зато похудела. Попа там, талия. Только нога пока подводила.

Третий претендент не понравился. Он пришел с бутылкой вина и музыкальным диском и сразу же принялся рассказывать, какая у него сука возлюбленная, что его бросила. Про-

говорили под его вино, Алисину курицу и любимую музыку суки до четырех утра. Потом Алиса нечаянно уснула, брошенный обиделся на невнимание и ушел. Диск забрал с собой.

Четвертый кандидат был стройным, рыжим и сильным. Мастер спорта по восточным единоборствам. В постели оказался учеником. Прилежным и терпеливым. Он стоически пролежал на спине весь долгий сеанс любви, не проронив ни слова, ни звука. Только глаза сильно зажмурил, и все. Иногда, правда, сквозь стиснутые зубы прорывалось его мученическое «а-а-а...», но Алисе эти звуки ка- зались музыкой. А музыка вдохновляет. Утром Алиса его одела и нежно выставила. На прощание он сказал: «Ужас». С оттенком восхищения, между прочим.

Алиса не возражала, возможно, она его изнасиловала. Уж больно был красив.

Потом был ученый физик. Весь вечер он рассказывал Алисе о своих профессиональных успехах с выкладками каких-то сложных формул и требовал от нее соответствия его высоким запросам. В постели плакал и жаловался на непонимание женщин. Просил по- жалеть. Алиса жалела, а физик нюнил: «Пощади». Смылся ночью.

То есть пошел в туалет и не вернулся. А Алиса, между прочим, собиралась еще его пожалеть.

Следующий, программист, пригласил Алису в кафе, где

заказал ей стакан сока, который в запале выпил сам. Зато он читал ей стихи! Говорил, свои, но врал. Стихи были Пастернака. Сославшись на нездоровье, в гости не зашел. Обещал «как-нибудь в другой раз». Потом по телефону объяснил, что у него сердце и ему нельзя. Алиса очень хвалила его за стихи. Обещал почитать еще. Как напишет.

Потом был темпераментный водитель автобуса. Он держал Алису за руки, целовал ей пальчики, стонал от страсти и торопил «в кроватку». В кроватке он продержался недолго. Почти сразу уснул. Потом признался, что с женой разошелся недавно и еще не отвык моментально засыпать рядом с уютным женским телом. Утром плотно позавтракал и ушел. Обещал вернуться.

Возвращался еще два раза. С таким же результатом.

За этим был поэт. Огромного роста, могучего телосложения, с кудрявой черной шевелюрой, робким взглядом и огромными пугливыми руками. Такой большой плюшевый медведь со смущенной детской улыбкой. В стихах – чистый мачо. Алиса, когда его увидела, прямо затрепетала. И потянулась в его руки, закрыв глаза от предвкушаемого блаженства. И напрасно. Прикосновение великана напоминало дуновение ветерка от пролетающего мимо воздушного шарика. Поцелуй его тоже оказался эфемерным, как... ничто. У великана были дети, но размножался он, должно быть, воздушно-капельным путем, потому что представить себе его более активным и осязаемым у Алисы не по-

лучилось. На том и расстались. Она даже стихи его слушать не стала. То есть он пытался, конечно, восполнить материальное духовным, но Алиса сказала: «Не хочу!» И выставила поэта вон. Уж очень он ее разочаровал!

Недавно у Алисы высветился новый жених. Снова доктор. Он так и написал о себе в анкете: «Я доктор, и поэтому прошу всяких тут губу не раскатывать». Но ей он первый написал. А уж позвонил только после семьдесят пятого письма. По ее просьбе. Но чувствовалось, что был еще не готов. А у нее как раз зуб разболелся. Тут уж она испугалась. И ни словом. Терпела и лечилась молча. Боялась и этого доктора нездоровьем спугнуть.

Каждый вечер они разговаривали по телефону не менее двух часов. О его недомоганиях и проблемах. Две недели так запойно общались. Чувствовалось, что ему нравится. А тут праздники на носу.

Не захотелось быть одной. Вот Алиса и намекнула робко: «Может, встретимся?» Доктор немедленно обиделся. Решил, что она на него нагло давит. И исчез. Совсем. Даже страницу свою с сайта удалил от обиды и возмущения. Алиса огорчилась. Но не слишком. Тем более что вслед за этим появился следующий медицинский работник. У этого анкета была – загляденье! «Я для женщины – все на свете, женщина для меня – все на свете. Ищу, жду, заранее люблю и обожаю. Готов поддержать, помочь, увлечь...» И т.д.,

и т. п. И Алиса повелась опять. Ну просто невозможно было не повестись! На фото – красавец. Анкета – блеск. Короче, Алиса телефон

дала.

Кавалер позвонил через день. И с первой минуты – с места в карьер: «Вам поможет гербалайф!» Алиса чуть дара речи не лишилась. Минуты две в шоке пребывала. А потом в себя пришла и как начала ему про «Инtru» рассказывать! У нее перед глазами как раз брошюрка подходящая оказалась, так Алиса прямо с нее все подряд и зачитывала. И все. Больше гербалайфщику ничего сказать не удалось. Молчал и слушал. Как цуцик. Минут двадцать. Расстались мирно. Но противно было ужасно. Пришлось даже душ принять.

Теперь вот новые анкеты мелькают. Алиса их еще рассматривает. Но на душе уже как-то не так светло, как было вначале. Свет надежды потускнел, и страх появился.

Мужики, вы чего?!

важный день

У меня сегодня по гороскопу важный день – счастливая встреча с человеком моей судьбы. Так, задача обозначена: три, четыре, пять – я иду искать. Вообще-то я не сильно верю всяким там оракулам и астрологам, но это когда они что-нибудь так себе предсказывают или уж совсем какую-нибудь неудачу сулят, а тут – «счастливая встреча с человеком вашей судьбы!» При таком предсказании хлопать ушами – последнее дело, тут глаза пошире открыть (в смысле – тени, тушь, карандаш) – и вперед, навстречу судьбе, потому как все-таки шанс предсказан. Когда еще такое случится!

Оделась, перышки тщательно привела в порядок и пошла дефилировать по улицам, благо предсказание с выходным днем совпало. Спина, голова, шея, глаза, уши и даже губы – все в сверхчувствительный локатор превратилось: иду, как томограф, всех прохожих мужиков сканирую, а напряжение такое, что даже львица в засаде по сравнению со мной – так, мелочь пузатая. Только львица от напряжения хвостом об землю колотит, а я вся – притронуся – взрыв. Только вот что-то добычи не видно. Иду как модель, ноги одна в одну кладу, точно на подиуме, а бедрами раскачиваю так, что не всякое суденышко в шторм так качает, и все напрасно – ни одного стоящего кадра. Но я не отчаиваюсь и бодрость духа не теряю и только взглядом с загадочной поволокой продол-

жая прохожих сканировать.

И тут – бац! Идет! Весь такой... НУ ТАКОЙ! – что пропустить нельзя, потому как сразу понятно стало: это он и есть. Судьба. Видно, и ему что-то такое в этот день предсказано было. Открытый, красивый такой, что просто сил нет, и тоже себя несет, в смысле демонстрирует – вот я какой: профиль, фас, зубы, ноздри, как у жеребца, туда-сюда волнуются, и улыбка на пол-лица или даже больше. И прямо на меня идет.

– Здравсьте, – говорит, – ах, походка, ах, глаза, ах, красавица! И погода хорошая.

А я ему:

– Ой, я так спешу, так спешу, просто опаздываю. А он:

– Можно я с вами спешить буду? А я:

– Ой, не знаю, я, знаете ли, прямо не знаю... А он:

– Вы для меня... Я для вас... И еще у меня собака есть, мама и двое детей от трех бывших жен.

А я:

– Ой, правда? А он:

– Правда-правда. А еще я мясо люблю, чтобы на костре или, в крайнем случае, в гриле, пиво чешское и компьютер.

А я:

– Ой! А... А он:

– И чтобы, когда я у компьютера сидел, меня не трогать, ну вот просто совсем...

– Ой, а можно... А он:

– Нет! Нельзя. Я там почти живу. А я:

– Ой, а я? А он:

– Что вы? Вы-то тут при чем? А я:

– Ой, а я думала любовь... судьба... А он:

– Что? Где? Ах, ну да... Только без детей, я этого не люблю. А я:

– Ой, а если... А он:

– Я-то тут при чем? И вообще, с чего вдруг столько претензий?!

Идет навстречу: ноги, губы, глазки... Ишь какая!

А я:

– Ой, я хотела... А он:

– Хотела! Без мамы и собаки хоть не выходи! Сразу оп! – и смотрят на тебя из-под ресниц.

А я: – Ой, ну я пойду. А он:

– Куда это?

А я: – А от вас подальше. А он:

– А я как же?

Во какой.

Но тут я как побегу! Только ветер в ушах. Так быстро даже гепарды не бегают. А когда в себя пришла, смотрю – а я уже дома. И пока одна. Странно. Но ничего, вот сейчас передохну и снова пойду, только теперь в другую сторону.

Я упрямая.

ГОЛОС

Одна писклявая дама очень хотела устроить свою личную жизнь. И все бы ничего, да только ее голос сильно диссонировал с нервной системой ее избранников. Внешне она вроде ничего была – такая интересная дама, с глазами, носом, ногами. Но вот голос! Как она свой ротик откроет, так сразу все оглядываться начинают: откуда эта трель колоратурная раздается? Уж очень высоко ее голос взлетал, прямо до самых соловьиных высот. Конечно, когда это птичье щебетание, то это ничего и даже вполне, но когда такие высокие ноты в банальной беседе берут, то тут уж хочется немедленно уши свои чем-то запаклевать, дабы уберечь свою нервную систему от неожиданной Сирены.

И, отчаявшись окончательно, решила однажды несчастная женщина обратиться к врачу. Вошла, волнуясь, в кабинет и молчит. Доктор здоровается, присесть предлагает и первый вопрос задает – с чем, мол, пришли, слушаю. Ну, и услышал. Аж подпрыгнул от неожиданности, когда услышал. Хотя, казалось бы, чего врачу-то подпрыгивать? Дама в слезы. Врач облезлую макушку чесать. А потом вдруг и говорит: «А не приходилось ли вам, дорогая, петь?» Дама скромно отвечает: «Да, дома пою. Потихоньку, чтобы никто не слышал. Стесняюсь». «Что вы говорите?! А нельзя ли послушать?» – обрадовался доктор. «А петь-то чего?» – спра-

шивает дама. «Да что хотите, то и пойте», – отвечает. И дама как запела... «Вальс-бостон» Розенбаума почему-то. И тут – о, Чудо! Голос несчастной зазвучал вдруг не сопрано там каким-нибудь, а самым что ни на есть сильным и чистым контральто. Врач даже застонал от неожиданности, с места соскочил и закружил вокруг дамы в экстазе: «Вот видите!! Видите! Я был прав! Я так и думал!!!» И чуть ли не целоваться полез.

А вскоре, между прочим, на даме и женился. И очень был этим доволен. И многие ему завидовали, замечая с удовольствием, как чудесно его жена, разговаривая, слова тянет, как бы пропевая их слегка. И так это мило у нее получалось, что все безоговорочно при-

знавали особую сексуальность этого низкого чудесного голоса, да и всей избранницы счастливого доктора в целом.

Так к чему это я? Знакомый у меня один есть. Бас, между прочим, оперный. А в жизни я всегда его голос по телефону за голос охрипшей девушки принимаю. Всякий раз боюсь не признать и обидеть. Только и ориентируюсь на ужасно противный визгливый тембр. По нему и узнаю пока. Вот я и думаю: может быть, этому басу тоже лучше петь всегда и везде? А что? Голос у него сильный, тембра превосходного, густого, насыщенного – когда поет, конечно.

Одна беда – никто ему правду сказать не решается, а он себя со стороны не слышит и потому весьма собой доволен. Так что проблема тут...

ОДИН ПОЭТ

Один приятной наружности поэт любил фотографироваться, но что странно, никогда не нравился себе на фотографиях. Вот такой парадокс. Он считал, что в жизни он значительно умнее и красивее, чем на фото. В зеркале, например. И все бы ничего, но доставал он всех своей привередливостью до невозможности. «Алè, – звонил он приятелю, имевшему несчастье его запечатлеть, – ты тут фотографии выставил, так ты мою фотку убери. Я на ней сушим уродом вышел». «Как? Где?» – пугался хозяин снимка и начинал судорожно листать свой фотоальбом. «Ты что? Отличная фотография. Ты пре- красно получился». «А я говорю, убери. Мои друзья посмотрели – все в ужасе». «Но ты же на ней не один, здесь вас вон четверо, и все довольны». «Сотри, говорю. Иначе – всё!»»

Далее, как правило, следовал горячий спор, в результате которого хозяин снимка малодушно сдавался. «А, черт с ним, – думал он, – пусть подавится. А то и правда – всё».

Но однажды нашлась все-таки одна дамочка, которая воспротивилась наглому требованию зарвавшегося поэта. «Еще чего!» – заявила она, пылая от возмущения и обиды. Возмущение ее тем более было понятно, что он ее своим требованием как мужчина разочаровал. А это, знаете ли, свинство! Дело в том, что они недавно вместе в одной компании оказа-

лись и весьма приятно провели вечер, который и зафиксировали на фото. Отсылая снимки поэту, дама надеялась услышать от своего героя как минимум благодарность, как максимум – предложение продолжить приятное знакомство. А тут вдруг такой облом! Дама была не просто изумлена, она была оскорблена! Еще бы, такое неожиданное г... вместо «спасибо, жду, надеюсь». Он уж и по-хорошему ее просил, и плакался, и на друзей ссылался, и папу-маму вспоминал, а она – ни в какую. Мало того, фотографии эти злосчастные дама взяла да и выставила всюду, где только можно было выстав-лять. А они на этих фото вдвоем – и в профиль, и анфас, и за столом, и в танце, и в обнимку, и даже пьют

на брудершафт. И каждый из этих снимков – как нож в страдающее сердце поэта: ну не нравится он себе ни на одном из них, и все тут! То нос слишком длинный, то ямочка на подбородке не видна, а то и вообще лысина на затылке светится. В общем, ужас.

Позвонил брат страдальца, умолял понять, простить и сжалиться, но она и его просьбам не вняла. «Не понимаю, – говорит, – почему я не могу распоряжаться своими фотографиями, как мне нравится. Компромата в них никакого нет, оба мы свободны. А то, что он не нравится себе на них, так пусть не ищет свои фото, как маньяк, на всех сайтах. Зачем смотреть на то, что тебе противно?»

С тех пор война. На стороне дамы все пострадавшие и множество веселящегося народа. На стороне поэта – ми-

фические друзья, сочувствующие родственники и он сам.

Недавно слух прошел, что поэт готов даже на даме жениться, если она эти снимки снимет. Да только дама, по тем же слухам, на компромисс пока не идет. «Это что же, – говорит она, – и свадебных фотографий выставить будет нельзя?! Да на фиг мне такая свадьба с таким ненормальным женихом!» Теперь думает.

Да, вот еще что. Другие-то фотографы тоже осмелели. Стали потихоньку и свои фотографии с мнительным Нарциссом выстав- лять. А что? Имеют право. Раньше они просто связываться не хо- тели. А сейчас... авось не заметит.

Вот такая странная история, совершенно пока без счастливого конца.

Но с надеждой на него. А как же!

- У вас есть хобби?
- Хобби? Ммм... Да... Ну, конечно. Много.
- Да? Ну, и какие?
- Эээ... Ну, я люблю это... стихи люблю!
- Да? А еще?
- Еще? Читать люблю.
- А еще?
- Гулять люблю, море люблю...
- А еще?
- Еще?
- Ага.
- Поесть люблю!
- Что?! Поесть?!
- Да. Очень.
- Ну какое же это хобби?
- Нормальное хобби. Вкусное. А вы что, совсем к еде равнодушны?
- Я? Эээ... Ну... Нет... Я... Но это же не хобби!!!
- Почему? По-моему, это очень хорошее хобби. Редкое.
- Редкое?! Что вы такое говорите?
- Конечно! Вот вам когда-нибудь кто-нибудь признавался в таком хобби?
- Мне? Нет.
- Ну вот, видите! Нас единицы. А среди женщин я практически единственный экземпляр. Ах, знаете, это самое мое любимое хобби, я могу говорить о нем бесконечно, особен-

но когда голодна.

– Ээ... Мм... Правда?

– Правда-правда!

– Ну, я об этом не думал... Хотя, если подумать...

– То что?

– То я тоже, то есть у меня тоже... Ну, в общем, я люблю поесть.

– Правда?

– Да. Очень. Я и сам прекрасно готовлю.

– А что вы особенно любите?

– О! Форель, жаренная в соусе из грецких орехов с пармезаном, приправленная ягодами брусники... Мммм...!!!! Я готовлю это – супер.

– Прекрасно! Хочу!!!

– А свинину в грибном соусе и белом вине, зажаренную на еловых шишках, вы пробовали?

– Нет! Хочу!!!

– Тут я просто ас! А что бы вы сказали о мороженом со взбитыми сливками, арахисом и печеньем «карамболь»?

– Обожаю! Только я никогда это не пробовала.

– Ну, что вы! Вот еще один свеженький рецептик...

– Хватит! Умоляю! У меня уже слюнки текут.

– Да подождите вы! Я сейчас вам подробненько расскажу. Я обожаю это готовить. Значит так: берем филе...

– Нет! Хватит! Не хочу!

– ...индейки и мелко нарезанный чеснок...

– Молчите!

– ...кинзу...

– Пустите!!!

– ...и зеленое яблоко.

– Вы маньяк (*рыдает*).

– Что?

– Хобби, хобби!!! А сам маньяк и садист.

– Я?! Вы с ума сошли! С чего вы это взяли?

– Вы ТАК говорите о еде...

– Кхм... Да? Правда. Увлекся. Но вы сами виноваты, вы первая начали....

– Я только сказала, что люблю поесть, а вы завелись. От ваших рецептов я едва жива, желудок свело, слюну уже сглатывать не успеваю.

– А... Вот в чем дело...

– Вот именно (*плачет*).

– Ну, раз так (*вздыхает*) – пойдемте, перекусим что-нибудь... Вы не против хот-дога?

Звуки леса

Я поставила CD с записью звуков леса и легла отдохнуть. Моя кошка Соня уже с полчаса мирно дремала в кресле. Внезапно комната наполнилась разноголосым щебетанием птиц. Кошка подняла голову и с интересом прислушалась. Уловив, где находится источник волнующих звуков, Соня мягко прыгнула на пол, осторожно приблизилась к проигрывателю и замерла. Сначала в охотничьей позе, полной напряженного ожидания, но как только общий птичий гвалт сменился одиночным криком какой-то неизвестной птицы, Соня села, и только самый кончик ее хвоста продолжал тихонько подрагивать. Но вот и этот звук внезапно сменился стрекотанием кузнечиков и цикад. Соня недоуменно глянула на меня: «Что это?» Я прикрыла глаза. Но Соня, коротко мяукнув, настаивала на ответе. И тут диск разразился изумительным проливным дождем. Слышно было, как тяжелые капли дождя смачно хлестали тугие листья деревьев и с шумом падали вниз. Кошка пару минут внимательно послушала и этот восхитительный звук, а потом, широко зевнув и лениво развернувшись, прыгнула ко мне на диван и уютно улеглась рядом. Я утопила руку в мягкой шерстке и, поглаживая ее, закрыла глаза. Мы обе с наслаждением отдались приятной истоме, которая длилась минут семь-восемь, а потом... завыли волки. Тело кошки под моей рукой мгновенно напряг-

лось, она резко подняла голову и, требовательно мяукнув, призвала меня к ответу. «Не обращай внимания, – попыталась я успокоить свою любимицу, – сейчас опять появятся птички». Но Соня, возмущенно зашипев, соскочила на пол и, прижав ушки к затылку и припав к полу брюшком, приготовилась к встрече с пока еще невидимым врагом. Но тут, в подтверждение моих слов, лес на диске снова огласился многоголосьем его пернатых обитателей. «Вот видишь!» – торжествующе улыбнулась я.

И Соня все поняла: звуки, которые она слышала, были только звуками и ничем больше, а значит, они не стоили ее высокого внимания. Кошка расслабилась, сладко потянулась и, презрительно развернувшись к источнику звука задом, важно прошествовала на кухню. В дверях она обернулась и позвала меня за собой. Ее обманутые ожидания требовали сатисфакции в виде чего-нибудь вкусненького. Я нехотя поднялась.

Угощая кошку ее любимым лакомством, я, тем не менее, пыталась оправдаться. «Соня, это очень хороший диск, ты просто не поняла». Но кошка в ответ только презрительно фыркнула и невозмутимо продолжила трапезу.

жорик

Жорик красив и нагл соразмерно своей красоте. Да и с хозяином ему невероятно повезло: во-первых, они похожи, а это сильно роднит, а во-вторых, тот обожает его безмерно. Короче, не жизнь у Жорика, а малина. Глазом в сторону хозяина повел – и вот ему уже любимую еду подают, а когда он ест, по спине гладят и всякие нежности говорят. А то прямо из хозяйской тарелки кормят и умиляются, когда Жорик лучший кусочек жует. А уж коли он глаза прищурил, тут хозяин прямо изводить себя начинает: «Что это с Жориком вдруг случилось, что у него настроение плохое?» В туалет Жорика жена хозяина сопровождает. Ему одному скучно. Прыгнет он часа в четыре утра в супружескую постель, мяукнет вместо звонка, и вот уже счастливица встает и плетется за любимцем. А пока он свои дела делает, она на него любитесь и хвалит.

Тут надо заметить, что хотя хозяин на Жорика и похож внешне, характеры у них совершенно разные.

Жорик – воплощенный мачо (ну, это до того, как его кастрировали. Хотя нет, поскольку он этого не осознал, то брутальность в себе сохранил в полной мере. Просто особами женского пола интересоваться перестал, и всё). Величавый, гордый, важный, красивый – не кот домашний, а выставочный экземпляр какой-то, модель Хозяин, конечно, по-

проще. Хотя с первого взгляда – одно лицо.

Ну, взгляд похож – такой же ленивый, сонный; ну, морд... то есть лицо довольное; ну, спит где придется и так же много. А вот важности и наглости – никакой. Напротив: скромн, нетребователен, мягок и рад служить.

Вот если бы Жорик был мужчиной, а хозяин женщиной, идеальный мог бы получиться между ними союз. Но не случилось так в этой жизни, а в предыдущей, видимо, были они вместе, да провинились чем-то, вот и разделили их на время для исправления. И вот у одного – жена, подруга... и вообще. А у второго с личной жизнью полная труба. Сначала редкие свидания с элитными подругами и

регулярные с подушкой, а потом, после кровавого бунта и возмущения (напал на жену хозяина, после чего несчастную пришлось зашивать), вообще кирдык и операция, и с тех пор – ни подруг, ни желаний. То есть я сейчас про сексуальные желания говорю, а других-то желаний у Жорика по-прежнему море: с домашними поиграть, поесть-поспать, на клавишах компьютера поваляться. Больше ничего припомнить не могу, но возможно, он еще чего-нибудь желает.

Мне Жорик правда нравится. Вот просто как идеал мужчины. Я о таком не перестаю мечтать.

А все-таки интересно: в следующей реинкарнации у Жорика яйца отрастут?

а если это любовь

Баська и Жорик дружили. Это ничего, что Баська была рыжей кокетливой псиной, а Жорик – черно-белым полуперсом-котом. Жизнь их заставила жить вместе. А потом уж они вспыхнули.

Нет, не любовью. Какая любовь?! Жорик – кот, хозяин, эгоист. А Баська – на улице подобранная собака-шлюшка. Но оба, правда, красавцы.

Жорик был приобретен своим хозяином случайно: предназначался некой легкомысленной барышне, да она передумала. Хозяин был посредником сделки, но в котенка влюбился с первого его писка

«Дай!». Оказалось, что это была судьба. Один любил давать, другой – брать. В итоге – идеал.

С Баськой все было иначе. Жена хозяина ее на улице углядела в стае какой-то шантрапы подзаборной. Красотка явно была ее центром и смыслом. Только голодной и грязной. Но эта рыжая роскошность, даже сквозь грязь, эти длинные влажные глаза, мягкость и кокетливость, а потом вдруг взгляд глаза в глаза...

Короче, Баську взяли и, сильно волнуясь, привели на суд Жорика. Два дня Жорик учил Баську, кто в доме хозяин. А Баська, дура, кокетничала, строила глазки, виляла развратно задом и лезла лизаться. Жорик плюнул и стал с ней

спать. В смысле рядом, и даже обнявшись. Есть с одной тарелки, по-семейному, они стали почти сразу. Из Баськиной тарелки. Из тарелки Жорика ест только Жорик. Но зато с хозяйского стола, на котором Жорик дегустирует все, Баське достаются лучшие куски. Он их ей сбрасывает. Делает вид, что случайно роняет.

Недавно к Жорику невесту приводили. Роскошную такую перси-янку, с хищным взглядом и самомнением главной жены гарема. Фиг ей сорвалось! Баська быстро порядок навела и всех разогнала по своим местам: Жорика на шкаф, невесту на штору, сама, оскалив пасть, между ними. Вопящую красавицу вместе со шторой потом домой отправили. А Жорик и не думал вступаться. Смотрел равнодушно и даже был на стороне Баськи, потому что, когда гостя сильно шипела, он ей лапой по морде врезал, чтобы Баську не пугала и вообще вела себя в чужом доме прилично.

Вот недавно по телевизору показывали, какие детки рождаются от любви тигрицы и льва. Но ведь это просто чудо что такое! Полосатенький львенок или гривастый тигренок. Симпатичные до невозможности.

Между кошками и собаками такое невозможно. Разные виды. Детей быть не может. Но любовь-то может быть! Впрочем, нет, Жорик – он...

А что Жорик? Что мы вообще знаем о любви?!

балу

Игорь вечером ждал гостей, а Балугаскал будущее угощение откуда придется и этим сильно отвлекал всю семью от сложных кулинарных комбинаций грядущего званого ужина. Тут-то я и предложила свою помощь, уж очень мне хотелось этого гурмана потискать. Игорь с радостью согласился избавиться на время от назойливого дегустатора и вызвался привести его сам. Я вышла встречать.

Балугаска, уж не знаю почему, бурно радовался, что идет ко мне в гости, и всячески свою радость демонстрировал. Думал, небось, что это как выход в свет из крошечных будней. Он и вел себя весь день потом как английский джентльмен. Моя мама сначала встретила пса не слишком-то любезно: «Его только нам и не хватало! А вдруг он скучать будет и нагадит от тоски?» Но я, глядя на веселый хвост гостя, вступилась: «Да что ты! Он рад, что в гости пришел». Теперь Игорь засомневался: «Может, подлец, и нагадит. Он, бестия, все может. А давай я его обратно заберу». Но отступать было неловко, да и не хотелось, и я решительно отстегнула ошейник с покорной собачьей головы и закрыла за Игорем дверь.

Скромно пройдя в комнату, гость первым делом подошел к маме и поздоровался с ней хвостом, лапкой и взглядом, от которого мама засмузилась и пошла на кухню за остатка-

ми дорожкой колбасы, отложенной на завтрак. Балу затрусил за ней и преданно смотрел ей в глаза, пока она доставала колбасу из холодильника. С аппетитом, но вполне культурно проглотив угощение, пес благодарно лизнул маме руку, после чего они вместе вернулись в комнату, абсолютно довольные друг другом. Немного поболтали о том о сем, а когда протокольная часть программы, по мнению английского джентльмена – кокер-спаниеля Балу, была выполнена, он игриво покосился в мою сторону, и мы немедленно затеяли с ним игру «принеси то, что я брошу, и ни за что не отдавай».

Для игры был выбран резиновый крокодил с богатым прошлым.

27

Играли мы всласть, правила оба соблюдали неукоснительно: я бро-

саю крокодила – он несется, почти летит, только уши немного отстают и летят за ним сзади, потом тормозит задницей на скользком полу и, проехав с полметра, хватает зверя и мчится со всех ног ко мне. Подбегает, дразнит меня, ныряет под стол – и давай там с упоением грызть резинового хищника. Тут я подбегаю и начинаю тащить добычу из его пасти, а Балу рычит и понарошку возмущается, но потом все равно как бы упускает ее и огорчается, а я начинаю ликовать и снова его дразнить. И все повторяется сначала.

К моему удивлению, ему надоело раньше. Отдав мне

в очередной раз игрушку, он равнодушно проводил ее взглядом и, развалившись под столом, неожиданно закрыл глаза. Я трогать его не стала: гость все-таки. Подумав, я последовала его примеру и тоже отправилась отдыхать. Через несколько минут я услышала шорох и скосила глаза вниз. Балу устраивался рядом с моей кроватью. Я погладила его, и он, нежно лизнув мне руку, лег под ладонь, после чего мы оба мирно задремали. Мне было кайфово, надеюсь, ему тоже.

Отдохнув, я отправилась к компьютеру, Балу незамедлительно последовал за мной и лег у моих ног.

Потом мы обедали, и пес совершенно восхитил нас своими манерами. Он сел рядом с низким столиком, на котором была еда, но даже не посмотрел на нее – он смотрел мне в глаза. Я угостила его, он аккуратно взял угощение с рук и НЕТОРОПЛИВО съел. Это было потрясающе! Еда лежала на краю стола перед самым его носом, но он НИ РАЗУ даже не потянулся к ней, а сидел смирно и ужасно воспитанно, угощение принимал только с рук, ничего не просил и даже, мне кажется, стеснялся. Мы с мамой были покорены воспитанностью гостя и как могли поддерживали с ним светскую беседу – ну, там, о погоде, о кризисе, кошках и пр.

Потом мы вдвоем пошли гулять. Я решила, что ему уже пора – все-таки часов восемь воздержания... И опять пес не рвался вперед, не неся как сумасшедший с лестницы, а шел чинно-благородно, останавливаясь, когда я его об этом

просила, соизмеряя свой темперамент с моим шагом. Так мы вышли из подъезда.

Ну, на улице Балу уже дал себе волю! Но тут уж природа требовала. Правда, я попробовала вмешаться, когда, угадав его намерения, с силой потянула его от шикарной машины, которую он облюбовал для своих делишек. Я его тащила, а он, выпучив глаза от изумления, ехал за мной на заднице и ничего не понимал. Так мы и отъехали с ним в кусты, но, как оказалось, напрасно: от машины до кустов уже тянулся за нами явный криминальный след. А в кустах Балу уже совсем перестал понимать, чего я от него хочу, и намекал мне всячески, что нужно срочно вернуться на место преступления и следы закопать, согласно кодексу собачьей чести и инстинкта. Но я его намеки категорически игнорировала: как бы он, интересно, закапывал асфальт?

А потом нам встретился кот. Так себе кот, средненький такой котяра с самомнением тигра, к тому же хам и жлоб. Мы к нему обратились вежливо – мол, вот гуляем, здрасьте, не правда ли, вечер чудесный? – а он взъерепенился, фыркнул презрительно и, процедив сквозь зубы: «А не пошли бы вы...», – повернулся к нам задом и прыгнул в кусты. И оттуда еще шипел и неприлично выражался. Мы обалдели.

И тут на перекрестке нам встретился мастифф. Он вел своего хозяина через дорогу. И Балу его вдруг облаял: отыгрался, бедняга, за пережитое унижение от паршивого кота. Мастифф с хозяином удивились, но ничего не ответили,

а только с достоинством про- шествовали мимо. Сделав псу строгое внушение, я повела его в род- ной дом к хозяевам, которые, выслушав мой отчет о проведенном нами с Балу дне, были страшно удивлены и даже изумлены его столь благородным поведением в чужом доме. А потом вспомнили, что он собака голубых кровей – чуть ли не маркиз или даже барон, и стра- шно стали этим хвастаться и гордиться, но это уже после того, как успели пожаловаться, что в родных пенатах Балу, к сожалению, не всегда столь благороден и благовоспитан. Балу тем временем, поту- пив глаза от скромности, тихонечко подобрался к вкусному столу и аккуратненько стащил с него суши. Но все сделали вид, что этого не заметили, и громко продолжали его хвалить. Игорь даже при- тво- рился, что это он сам угостил Балу.

А я вот о чем подумала. Даже человек быстро звереет, если ли- шить его человеческих норм жизни, а уж что говорить о собаке, когда она сталкивается с прямым хамством в ответ на свое бла- городство и вежливость. И если бы не провокация этого подонка кота, Балу ни за что бы так не разнервничался и не облаял от оби- ды благородного мастиффа, и уж тем более не стащил бы со стола суши. Я в этом просто уверена.

ВИРАЖИ ЛЮБВИ

принц

Ленинград семидесятых. Она – юная девочка, только что окончившая школу и приехавшая в Ленинград из далекой провинции учиться. Яркая красивая брюнетка, слишком яркая для серо-угрюмого Ленинграда – высокая, с копной ве-

ликолепных сверкающих волос, спадающих крупными черными локонами на нежные плечи. Когда она шла по Невскому, вслед ей оборачивались все – и мужчины, и женщины: слишком необычна и ярка она была для этого города, какая-то южная экзотическая птица, свободно расхаживающая по строгим улицам. Довольно скромно одетая и поэтому явно не иностранка, а своя, но такая необычно чужая.

Ей было всего семнадцать, и Ленинград казался ей тем сказочным миром, в котором ее девичьи мечты должны были превратиться в жизнь, полную необыкновенных приключений и счастья. Она чувствовала себя в нем принцессой или даже королевой, но еще не коронованной, а как бы накануне – перед коронацией. И, как настоящая принцесса, она с замиранием сердца ждала своего принца и верила в свой сказочный бал.

И вот однажды это случилось. Отец ее подруги достал для обеих девушек пригласительные билеты на новогодний бал в Военно-медицинскую академию. Это был первый настоящий бал в ее жизни, и он не имел права не стать волшебным. Все казалось ей чудесным. Все было похоже на сон. От кавалеров не было отбоя, она танцевала все танцы подряд, не успевая менять партнеров, и веселилась от души.

И вдруг она увидела Его. Их разделял огромный танцевальный зал. Он обернулся, и их глаза встретились. А дальше все стало происходить как во сне. Музыка, зал, танцующие пары и голос распорядителя бала – все стало сказоч-

но нереальным. Он был мальчиком ее мечты, Греем ее грез. В красивом сером свитере, именно в таком, в каком и должен был быть ее принц, и лицом настолько желанным и родным, а главное, таким знакомым по ее девичьим грезам, что она тотчас его узнала. Конечно, это был их бал.

Объявили белый танец, и она, отодвинув от себя настоящего кавалера, которому только что улыбалась, направилась через весь зал прямо к своему принцу.

– Я пришла, – сказала она, с трепетным восторгом входя в его ждущие руки, как в судьбу, и ни секунды не сомневаясь в совершенной естественности своего поступка.

– Добро пожаловать, – улыбаясь, ответил он, принимая ее в объятия и ограничивая теперь ее жизнь и счастье именно этим пространством.

И время остановилось. Заключение в любовь, они уже больше ничего не замечали. Мир каждого из них был отныне ограничен глазами любимого. Они танцевали теперь все танцы подряд, не размыкая объятий и не замечая, под какую музыку танцуют. И говорили, говорили, говорили, наслаждаясь музыкой голосов и тем волшебным состоянием эйфории, которое присуще настоящему счастью.

Но вот объявили последний танец, а когда он закончился, они, держась за руки, спустились в гардероб. Он взял номерки ее и ее подруги (которая почему-то к концу вечера осталась одна) и встал в очередь. А потом она с ужасом увидела, что он идет к ней, держа в вытянутых руках шикарное

пальто подруги, а ее, старенькое, перешитое из мамино, небрежно перекинул через руку. Его намерение было весьма красноречивым. Она отпрянула от него, ее лицо вспыхнуло, а глаза засверкали готовыми пролиться слезами. Такое унижение от своей бедности можно почувствовать только в семнадцать лет! «Это мое пальто», – услышала она насмешливый голос подруги. Он смешался лишь на мгновение: «Разумеется. Разрешите вам помочь?» А затем повернулся к ней и жестом пажа, прислуживающего своей королеве, надел на нее ее старенькое пальто так, как будто оно было мантией из горноста.

Они вышли на улицу и, вступив в ночь, почти задохнулись от прозрачности и чистоты морозного воздуха и сказочной красоты открывшейся им картины: черное небо, слабо подсвеченное тусклой луной, просыпалось на землю тихим торжественным снегом, который, зажигаясь от света фонарей, начинал волшебным образом искриться и падал на ладони такими замысловатыми и красивыми снежинками, что каждую из них хотелось сохранить как произведение искусства.

– Смотри, – сказал он, подняв голову и любуясь этим завораживающим видом, – тебе не кажется, что снегопад похож на подвенечное платье, сшитое из миллионов бриллиантов? – и, наклонившись к ее ушку, нежно добавил: – Тебе нравится этот наряд?

Она жила в Девяткино, где снимала комнату у бабушки сегодняшней подруги. В Девяткино ходила электричка

от Финляндского вокзала, и она уже едва успевала на последнюю. Он сказал, что поедет с ней и всю ночь будет стоять под ее окнами, а когда она утром проснется, он будет первым, кто пожелает ей доброго утра.

Конечно, они оба понимали всю нереальность этого поступка, но расстаться не было сил, и она только молча качала головой и ви-новато улыбалась.

Подруга рассмеялась.

– Сумасшедшие, – заявила она, – быстренько прощайтесь, а то электричка убежит без вас обоих, а нам еще нужно успеть на ав-тобус.

– Я поеду с тобой, – упрямо твердил он, не отпуская ее руку, – я очень хочу.

– Нет, сегодня нельзя. Это невозможно. Но я буду все время думать о тебе, и таким образом мы не расстанемся даже на мгновение до нашей следующей встречи.

– Ну, хорошо, – наконец согласился он и, немного подумав, сказал: – Я буду ждать тебя здесь, на этом самом месте в пять часов вечера в среду. До четырех я дежурю в Академии.

Он успел выскочить из электрички в самый последний момент. Она сидела у окна и смотрела на стремительно убегающий снег, который казался ей продолжением ее новогоднего бала. И как она раньше не замечала, что снегопад действительно похож на подвенечное платье или на великолепную волшебную фату, полную неизъяснимого таинства? Ведь это

так очевидно. И она засмеялась счастливым смехом расколдованной принцессы.

– Вы очень красивы, – услышала она голос и, с трудом оторвав взгляд от окна, перевела его на сидящего напротив нее человека. – Вы просто светитесь счастьем. Я специально пересел к вам поближе, чтобы и на меня упало несколько его лучей. Вы не против?

– Нет-нет. Пожалуйста. Я сегодня действительно очень счастлива. Пользуйтесь на здоровье.

Всю ночь она металась в постели, переживая заново каждое мгновение своей любви. О двух последующих днях она не помнила ничего. Но вот наконец наступила среда. Утром она подошла к зеркалу

33

и не узнала себя: на нее смотрела незнакомка с яркими, лихорадочно блестящими зелеными глазами, нежным, как будто освещенным изнутри, лицом и небрежными черными локонами, которые, как дорогая рама на картине, только подчеркивали и этот румянец на щеках, и этот взгляд. Незнакомка казалась несколько испуганной, но хороша была необыкновенно. Сердце ее стучало громко и нетерпеливо, и ей никак не удавалось его утихомирить: оно торопило время и сбивалось с ритма.

В без пятнадцати пять электричка подошла к Финляндскому вокзалу. На условленном месте его еще не было. Она увидела это издали и почему-то сразу поняла, что он не при-

дет совсем. Мир рухнул мгновенно.

Она прождала его пять часов.

Когда-то давно на ее глазах бросили собаку. Все было так просто и буднично. Подъехала машина, из нее выскочил веселый очаровательный пес, а машина вдруг быстро отъехала. Случившееся предательство не уместилось в глазах осиротевшей собаки, она не могла в него поверить и все бегала и скулила от ужаса и горя, никого не замечая вокруг и тщетно ища своего хозяина-подонка.

Сейчас она чувствовала себя так же, как эта ни в чем, кроме любви, не повинная псина. Ее предали так же безжалостно и легко... Конечно, можно было предположить, что у принца случилось что-то, помешавшее ему прийти, ей очень хотелось так думать, но она чувствовала, почти знала, что это не так. Возможно, потому, что мерила его чувства по своим меркам. И хотя она так же, как то несчастное животное, тревожно и с надеждой следила за каждым появившимся вдали человеком, делала это она это чисто механически, потому что уже знала, что тот, кто ей нужен, не придет никогда.

В десять часов вечера к ней подошел военный, капитан, который уже давно ходил возле нее кругами, и пригласил в ресторан. Она молча пошла с ним. Они что-то пили, что-то ели, и он о чем-то говорил, не переставая, а она сидела, как каменная, и ничего, совсем ничего не чувствовала. А он, между тем, говорил, что получил назначение в Германию,

что она ему очень нравится и он хочет на ней жениться.

– Я буду очень хорошим мужем. Пожалуйста, соглашайтесь! – умолял он, пытаясь взять ее за руку.

Она как будто очнулась, отдернула руку и поднялась.

– Спасибо. До свидания. Мне нужно идти, – и быстрым шагом, почти бегом, устремила к выходу, задыхаясь от прорвавшихся наконец слез.

С тех пор прошло много лет. В ее жизни случилось много вся- кого, она не раз еще была влюблена, любила и даже была счастлива, но никогда ни один мужчина не казался ей больше Принцем.

Может быть, в тот вечер она просто перестала верить в сказки?

балерина

Алекс всегда был везунчиком: тридцать пять лет, хорош собой, любимая работа, карьера, деньги – многие завидовали. Фотохудожник с именем, связями, необременительными любовными приключениями и постоянной тоской, черт знает откуда взявшейся и не отпускающей счастливчика Алекса уже почти год. Дошло до того, что однажды утречком подумалось: «А на фига просыпаться?»

Когда позвонил главный редактор журнала «Кумиры», Вадим Акаемов, и попросил зайти, Алекс был в абсолютном психологическом раздрае. Но Вадим был не просто работодателем, он был другом. Они дружили уже тысячу лет, еще со школы. У обоих были строгие мамы без пап и довольно бедное одинаковое детство. Теперь оба сделали карьеру, поменяли свои когда-то скромные квартиры на совсем нескромные апартаменты, но продолжали дружить и поддерживать друг друга всегда, когда в этом возникала необходимость. Тем более что и профессии их сильно пересекались. Вот и сейчас Алекс не сомневался: Вадим собирается предложить ему работу. А работать чертовски не хотелось. Сначала Алекс думал отказаться, но потом испугался, что, уступив своей тоске, совсем в ней увязнет, и согласился на встречу.

Вадим был необычайно возбужден.

– Старик, я даю тебе шанс прославиться окончательно и бесповоротно. Ты, конечно, слышал о Лизе Шульгиной? Алекс слышал. И не только.

Лиза Шульгина была балериной. Не просто модной, не просто талантливой и известной – Лиза была явлением. Алекс любил балет и уже давно следил за творчеством восходящей звезды. Но как-то издали. Не смея, да и не желая приближаться.

Лиза вошла в комнату стремительно и легко, слегка выворачивая ступни, как все балерины, – хрупкая и царственная одновременно. Приветливо улыбнулась вставшим при ее появлении мужчинам и с любопытством посмотрела на Алекса.

Лиза не была красивой. Вернее, в ней не было ничего от привычной кукольно-глянцевой красоты, но Алекс не мог оторвать от нее глаз. Перед ним стояла девушка, каких он никогда раньше не встречал. Ее тонкое лицо, фигура, стать были отмечены такой породой, что она показала Алексу ожившим портретом знатной испанки великого Эль Греко. Та же удлиненность черт и абсолютная гармоничность лица, фигуры и образа. Ее хотелось, как произведение искусства, разглядывать долго и подробно. И только глаза на необыкновенном лице немного диссонировали с образом уверенной красавицы. Они искрились таким живым сиянием всплеском кокетства и любопытства девчонки-хулиганки, что Алекс невольно улыбнулся. Они перекинулись парой

слов, и Алекс с удивлением услышал, что голос у него сел. Кажется, так бывает от волнения или страсти только в ранней юности.

Но и Лизин голос оказался с хрипотцой.

Они почти ничего не сказали друг другу: договорились о встрече, обговорили время сеанса, попрощались – и все. Легко коснувшись его руки, Лиза вышла из комнаты той же стремительной походкой, что и вошла, оставив после себя лишь шлейф волнующих духов и ощущение чего-то нереального, приснившегося, невозможного.

Во время съемки они почти не разговаривали.

Алекс приглушил свет и постарался сконцентрировать его на мягком повороте головы Лизы с собранным, как это принято у балетных, пучком волос над высокой шеей. Линия перехода шеи в длинную узкую спину потрясла его. В ней было что-то трагическое, очень женское: беззащитность, излом, покорность, хрупкость. За них хотелось отдать жизнь. Руки! Это в них, то на колени брошенных, то вверх взметнувшихся, слышал Алекс сводивший его с ума голос с хрипотцой. Это они страдали, радовались и умирали в ее спектаклях, а сейчас покорно лежали на коленях, словно уставшие крылья Ангела. И взгляд, и осанка, и поза – все в ней было абсолютно органично и совершенно. Но вот она повернулась, и все изменилось. Взгляд роковой, обжигающий, не оставляющий надежды на пощаду, спина пружинистая, влекущая, и опять эти руки – зовущие и отталкивающие

одновременно.

Только ПЕРЕДАТЬ, молил он в страстном возбуждении, только суметь передать то, что открылось ему: этот взгляд, эти руки, это лицо...

Сеанс их творчества был настоящим откровением, озарением, ВДОХНОВЕНИЕМ, наконец! Все получалось само собой, они понимали друг друга по движению руки, взгляда, кивка, улыбки. Такого творческого подъема, такой легкости и радости от работы у Алекса не было никогда раньше. Он чувствовал себя творцом, почти богом, и был абсолютно счастлив.

А потом была любовь. Недолгая. Но самая настоящая. Самая ОНА. Та, которую в оставшейся жизни принято вспоминать и уже ни о чем не жалеть.

Потом Лиза уехала на гастроли, а когда вернулась, что-то уже погасло в них, что-то развело. Видимо, вычерпнуто было до дна это невозможное счастье. Сил больше на такой накал не было.

Вот они и расстались.

МЫ ВОЗВРАЩАЛИСЬ ИЗ ВЕНЫ

Мы возвращались из Вены. Солнце садилось, и от его угасающего тепла всё вокруг было окрашено в тревожно-розовые тона. Ты взял мою руку, и у меня сразу повлажнели глаза. Мы прощались.

Я до сих пор не понимаю, как это было возможно и почему мы смеялись, шутили и даже, забываясь, на вопрос: «Ты счастлива?»,

«Счастлив?» – почти не раздумывая, отвечали: «Да. Очень». Ведь мы прощались. Каждый день нашего отпуска, каждый его час, минуту, каждое мгновение нашей общей, истекающей этими мгновениями жизни.

Было столько любви! И боли. Временами мне было так больно, что я уже молила о том, чтобы все кончилось скорей. Домой! Видеть тебя мне становилось невыносимо. А ты говорил о любви... Почти все время... самыми заветными словами... и упивался моими муками. Ты прощался со мной как-то шутя, не очень понимая, что происходит. И только иногда, сжав меня в объятиях, ты вдруг замирал от ужаса и, не в силах разомкнуть руки, сначала нежно, а потом все сильнее вдавливал меня в себя, пока я не начинала стонать от боли и задыхаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.